

ГЕРДЕРОВСКИЙ БИБЛЕЙСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ. ПРАКТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Виллибальд Лаук

Комментарий на Евангелие от Матфея¹

ОКО ЗА ОКО. 5:38–42

38 Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. **39** А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую твою щёку, обрати к нему и другую; **40** и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; **41** и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. **42** Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

(38) Воздаяние равным за равное – общий правовой принцип древности: он встречается и в кодексе Хаммурапи, и у греков, и в древнеримском Законе двенадцати таблиц²; в Законе Моисея он излагается в книге Левит, гл. 24, ст. 19–20, и в других местах. Этот принцип вытекал из примитивного, ещё не утончённого более возвышенным взглядом на человека понимания права, при котором всё сосредоточено на отдельном потерпевшем и отдельном виновном: ущерб, причинённый одному, должен быть равным образом нанесён другому. Такое право удовлетворяло чувству личной мести и стремлению к ней³. Насколько буквально иудейское судопроизводство во времена Иисуса ещё действовало исходя из этого принципа, неизвестно. По свидетельству Иосифа Флавия, родившегося в 37 году по Р. Х., похоже, что так и было. И в Талмуде есть изречение рабби Элиезера (ок. 90 г.): «Око за око – имеется в виду настоящее око».

¹ Перевод: игумен Петр (Мещеринов). Редакторы: Елизавета Жудро, Ольга Ануфриева.

² Закон двенадцати таблиц – древнейший письменный свод римского права, составленный в середине V века до Р. Х. и выбитый, по преданию, на двенадцати бронзовых таблицах. Он содержал нормы гражданского, семейного, наследственного, уголовного и процессуального права и стал основой для последующей римской правовой традиции.

³ При этом история права рассматривает этот принцип и как сдерживающий: он запрещал возмездие, превышающее причинённый ущерб.

Раввины II века всеми силами старались доказать – большей частью с помощью весьма натянутых доводов, – что под этими выражениями Закона следует понимать денежное возмещение. Но неубедительные усилия книжников II века обосновать небуквальное понимание Закона скорее говорят в пользу того, что во времена Иисуса могли судить ещё строго по букве. Как бы то ни было, даже если вместо нанесения ответного телесного повреждения назначалось соответствующее денежное возмещение, основной подход сохранялся: воздаяние должно совершаться по принципу равного личного возмездия.

(39) Такому неразвитому, мстительному пониманию права Спаситель противопоставляет духовно-нравственный принцип любви. При этом нужно подчеркнуть: Иисус здесь, как и во всей Нагорной проповеди, обращается не только к тем, кто хочет достичь некоего исключительного смирения и совершенства, предлагая им особые наставления, превышающие общий уровень, – но говорит о нравственных нормах, обязательных для всех. И поскольку чувство мести, толкающее к воздаянию, принадлежит к числу самых сильных побуждений даже у человека религиозного, Господь высказывается здесь предельно резко и заострённо. Это чувство настолько не должно оказывать определяющего влияния на наши поступки, что человеку нужно быть готовым даже к прямо противоположному, и притом максимально противоположному, действию. Ибо только тот, кто имеет такое внутреннее устройство, о котором говорит Иисус, действительно способен удержаться от поступков, совершённых из желания отомстить.

Примеры, приводимые Иисусом, выстраиваются в продуманную шкалу «по нисходящей»: грубое насилие («кто ударит тебя в правую твою щёку») – судебное принуждение («кто захочет судиться с тобою») – властное понуждение («кто принудит тебя идти») – простая просьба («просящему у тебя дай»). И в каждом случае Христос требует готовности идти навстречу другому. Кого ударят в правую щёку, – а это особенно тяжкое оскорбление, потому что удар по левой щеке наказывался штрафом только в 200 зузов, то есть 140–160 марок⁴, а удар по правой в 400 зузов, – тот должен подставить и другую. Тот, с кем судятся из-за хитона – длинной нательной рубахи с рукавами, – должен быть готов отдать вдобавок и более дорогую, подобную плащу, верхнюю одежду. **(41)** Тот, кого принуждают к повинности – такое принуждение хотя и порицалось, но всё же встречалось, – должен быть готов вместо одной мили пройти две, и так далее.

⁴ 1 рейхсмарка 1935 г. ≈ 5,5 € в пересчёте на современные деньги (по индексу покупательной способности).

И здесь – особенно здесь – ложное понимание Нагорной проповеди как нового правового строя, водружаемого на место прежнего, приводит некоторых ревнителей к самым нелепым выводам. Христос всё же не был настолько чужд жизни, чтобы не понимать: буквальное исполнение этих Его слов привело бы к ниспровержению всякого порядка и превратило бы мир в настоящее эльдорадо для разбойников, воров, торговцев развратом и всякого преступного сброда.

Обязанность отстаивать честь, имущество и жизнь своих близких – если нужно, с помощью суда или своими силами – лежит не только на муже и отце семейства. Не только военнообязанный гражданин должен при известных обстоятельствах взяться за оружие и идти на войну, чтобы защитить свою страну от вражеского насилия. Всякому человеку надлежит стоять на страже собственной жизни, своего имущества и своей чести и при необходимости защищать их, равно как и требовать возвращения похищенного. Это блага, которые Бог вверил ему для исполнения его призвания, и их сбережение входит в сохранение общего порядка. Поэтому ни Христос, ни апостол Павел не исполняли эти изречения буквально; см., например, Ин. 18:22–23; Деян. 16:35–39. Кто воспринимает слова Иисуса как юридические параграфы, тот тем самым показывает, что вовсе не понял того, о чём говорит Господь.

Безнравственно не право как таковое, а рождённое из чувства мести стремление к личному возмездию, когда отдельный человек делает самого себя источником и мерой права. Здесь, на земле, я могу и должен защищать свои права; при известных обстоятельствах я могу и должен, если попорчено моё право, требовать его восстановления. Но не потому, что затронут *моё* право, а потому, что речь идёт о праве, источник которого – Бог, а норма и цель – общее благо. Там, где это право нарушено в отношении меня, там и я имею право, а при известных обстоятельствах даже нравственную обязанность восстановить его, в том числе с применением силы. Но не более того. Например, если кто-нибудь возводит на меня клеветнические обвинения в постыдном поступке и тем самым наносит ущерб моей чести, которую надлежит беречь ради доброго примера и из уважения к моему положению и профессиональному служению, то я должен требовать удовлетворения. Но если пьяный человек на улице выкрикивает мне вслед бранные слова, которые ни в малейшей мере не могут повредить моему авторитету, то я поступил бы дурно, если бы предал его суду только потому, что он меня рассердил.

Но чтобы действовать согласно этому нравственному различию, а там, где следует защищаться, не идти дальше того, что требует право, необходимо то внутреннее расположение, на котором настаивает Спаситель. Слишком легко человек

– даже религиозный – обманывает сам себя и хочет не защиты прав, а мести. Столь же очевидно и то, что если это расположение в нас есть, оно должно проявляться во всём многообразии ситуаций повседневной жизни. В иудейской традиции, конечно, нет недостатка в голосах, подчёркивающих необходимость снисходительности и одобряющих отказ от чрезмерной строгости правоприменения (когда человек удерживает себя от того, чтобы прибегать к крайним правовым мерам) и даже добровольное перенесение несправедливости. Но эти голоса не смогли преодолеть превратное индивидуалистическое, а по сути, мстительное понимание права. И, несмотря на Нагорную проповедь, мы, к сожалению, не можем утверждать, что оно преодолено у нас, христиан. Тем более всякий христианин, не только говорящий «Господи! Господи!», но и желающий исполнять волю своего Учителя, обязан строжайшим образом наблюдать за собой и, насколько это от него зависит, содействовать этому преодолению, тем самым способствуя осуществлению идеала Нагорной проповеди, когда внешнее право становится излишним благодаря любви.

Нельзя отрицать, что в данном случае Иисус исправляет не только раввинское толкование Закона, но и сам Закон – по крайней мере, его букву. Но тем сильнее Он выявляет дух Закона, внимательное отношение к которому должно было привести и книжников к уяснению высшей воли Божией, стоящей за этими правовыми постановлениями, первоначально данными жестокосердному народу. Насколько же законоучители времён Иисуса были к этому неспособны, видно из их толкования Моисеевой заповеди о любви к ближнему. В книге Левит написано: *Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя* (Лев. 19:18). Весь контекст, как и параллелизм самого изречения, показывает, что под «ближним» здесь нужно понимать соплеменника. Но в той же главе дальше сказано: *Когда поселится пришелец в земле вашей, не притесняйте его. Пришелец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что ваш местный житель; люби его, как себя, ибо и вы были пришельцами в земле Египетской* (Лев. 19:33–34). Уже отсюда следует, что Ветхий Завет вовсе не требует понимать слово «ближний» узко, относя его только к соплеменнику. Если бы книжники продумали эти и некоторые другие места Торы – например, Исх. 23:4–5, где повелевается при известных обстоятельствах помогать даже врагу, – это должно было бы привести их к выводу: поскольку Яхве, будучи прежде всего Богом Израиля, вместе с тем есть Бог всех народов, то и ближним в конечном счёте должен считаться всякий человек, хотя приоритет и отдаётся соплеменнику. Книжники же поступили прямо противоположным

образом: сузили понятие «ближний» ещё больше, чем оно было очерчено в Законе (Лев. 19:33).

В Талмуде при объяснении тех мест Закона, где встречается слово «ближний», снова и снова появляется замечание: «этим словом исключаются все прочие», то есть неизраильтяне. Более того: хотя в Лев. 19:33 всякий пришелец, живущий в земле Израиля, прямо приравнивается к соплеменникам в отношении любви к нему, в раввинских сочинениях, отражающих практику времён Иисуса, выражение «пришелец» сужается исключительно до полноправного прозелита, то есть до того, кто не только принял веру Израиля, но и через прозелитское крещение и обрезание обязался соблюдать весь Закон. О «гоях», то есть язычниках, и тем более о «назарянах» или «*миним*», то есть еретиках, иначе говоря – христианах, встречаются высказывания, настолько исполненные нелюбви, презрения и ненависти, что их никак не могут нивелировать отдельные более человеколюбивые слова, которые начинают появляться здесь и там со II века по Р. Х. Даже внутри самого израильского народа обнаруживается взаимная ненависть, особенно между высшими слоями, сторонниками фарисейской партии, и простым народом – *ам-ха-арец*. «Ненависть, с которой люди *ам-ха-арец* ненавидят учеников мудрецов, больше ненависти, с которой идолопоклонники ненавидят израильтян. А их жёны ненавидят ещё сильнее, чем они», – говорится в Талмуде. И мудрецы отвечали взаимностью: «Не следует жениться на дочери *ам-ха-арец*. Ибо они – мерзость, их жёны – ползающие пресмыкающиеся, а о дочерях их сказано: “Проклят, кто ляжет с каким-либо скотом” (Втор. 27:21)».

ЛЮБИ БЛИЖНЕГО И НЕНАВИДЬ ВРАГА. 5:43–48

43 Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. **44** А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, **45** да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. **46** Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? **47** И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? **48** Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.

И дальше Иисус совершенно точно обобщает и господствовавшее в Его время толкование Закона, и его практическое применение словами: **(43)** «Сказано: люби

ближнего твоего и ненавидь врага твоего». В Талмуде есть одно место, звучащее поразительно похоже – это значит, что со значительной долей вероятности не Сам Иисус создал эту формулу, но раввинское учение уже выражалось именно такими словами. Этому Христос противопоставляет Свою заповедь: **(44)** «А Я говорю вам: любите врагов ваших и молитесь за гонящих вас». Молитва, совершаемая в сокровенной клетке сердца, есть в этом отношении чистейшее выражение любви к врагу, поскольку здесь исключены лицемерные, эгоистические или какие бы то ни было иные намерения.

(45) «Да будете сынами Отца вашего Небесного». Только тогда ученики могут действительно быть детьми своего Небесного Отца, когда они несут в себе отпечаток Его образа. **(46)** «Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда?» Конечно, естественная любовь, которую проявляют все люди, даже грешники и мытари, не есть что-то дурное. Но от Своих учеников Иисус требует гораздо большего и особенного. И это особенное – вышеестественная любовь, существенно отличающаяся от естественной. Естественная любовь любит другого постольку, поскольку он как-то связан со мной и дорог мне; вышеестественная же любовь любит его потому, что он связан с Богом, принадлежит Богу и любим Богом. Бог любит все Свои создания, особенно человека – всякого человека, даже грешника, не отвергая его вплоть до окончательного суда. Поэтому вышеестественная любовь не только всеобъемлюща. Она также гораздо глубже, вернее и бескорыстнее естественной, потому что подобна той любви, которой любит Сам Бог. И только тогда, когда человек уподобляется Богу в любви, он вообще становится подобен Ему – потому что *Бог есть любовь* (1 Ин. 4:8). Только тогда человек достигает цели христианина: **(48)** «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный».

Любить так, как любит Бог, и потому, что Бог любит, – предполагает полное подчинение своего себялюбивого «я» Богу, потому что это «я» всегда противится вышеестественной любви. Оно не только склонно ненавидеть того, в ком находит что-то противоположное себе, но обманывает нас даже когда нам кажется, что мы любим. Мы думаем, что любим искренне, а на самом деле хотим скорее брать, чем давать. Поэтому бескорыстная вышеестественная любовь может укорениться только в том человеке, который ведёт постоянную борьбу со своим падшим «я» и не оставляет ему укрытия в тайных убежищах самообмана. Это цель, которой мы никогда не достигаем вполне, но к которой неизменно должны стремиться в ежедневной бескомпромиссной внутренней брани.